

Мы с ней прибыли в Фордвич в 8 вечера, после обычного долгого ожидания в Ньюкасле. Мы остановились в отеле «Герб д'Альбукерка», и за наспех приготовленным и очень скверным ужином леди Молли вкратце посвятила меня в свои планы.

– Я вижу каждую деталь этого убийства, Мэри, – серьезно сказала она, – так же, как если бы я все время жила в замке. Я точно знаю, в чем ошибаются наши парни и почему они не могут разобраться. Но, хотя шеф развязал мне руки, то, что я собираюсь сделать, настолько необычно, что в случае неудачи меня, вероятно, немедленно отправят в отставку, и в то же время часть немилости обязательно достанется тебе. Еще не слишком поздно – ты еще можешь отступить и предоставить мне действовать в одиночку.

Я посмотрел ей прямо в лицо. Ее темные глаза блестели; в них светилась мощь прозрения или изумительное знание «людей и вещей».

– Я последую вашему примеру, миледи Молли, – тихо сказала я.

– Тогда иди спать прямо сейчас, – ответила она с той странной переменной в поведении, которая казалась мне привлекательной, а всем остальным необъяснимой.

Несмотря на мой протест, она отказалась что-либо слушать или отвечать на мои вопросы, и волей-неволей мне пришлось пойти в свою комнату. На следующее утро я увидела ее изящную фигуру, в безукоризненном сшитом на заказ платье, в очень ранний час стоящую у моей кровати.

– Что? Который час? – воскликнула я, внезапно окончательно проснувшись.

– Тебе еще рано вставать, – спокойно ответила она. – Я отправляюсь на раннюю мессу в римско-католический монастырь неподалеку.

– На мессу в римско-католический монастырь?

– Да. Не повторяй за мной слова, Мэри; это глупо и отнимает время. Я представилась соседям как американка, миссис Сайлас А. Оген, у которой сломался автомобиль, и его ремонтируют в Ньюкасле, в то время как я, его владелица, развлекаюсь, любуюсь красотами окрестностей. Будучи католичкой, я сначала иду к мессе, а поскольку как-то встречалась с леди д'Альбукерк в Лондоне, я нанесу ей почтительный визит. Когда я вернусь, мы вместе позавтракаем. Ты могла бы тем временем попытаться завязать знакомство с мисс Джоанной Дюплесси, которая все еще живет здесь, и попросить ее присоединиться к нам за завтраком.

Она ушла прежде, чем я успела вставить хоть слово, и мне оставалось только в точности исполнить ее указания.

Час спустя я увидела мисс Джоанну Дюплесси, прогуливающуюся в саду отеля. Было нетрудно скоротать время с молодой девушкой, которая, казалось, совсем оживилась, найдя собеседницу. Мы говорили о погоде и прочем, и я упорно избегала темы трагедии в замке Фордвич до возвращения леди Молли около десяти часов. Она вернулась, выглядя такой же подтянутой, такой же уверенной в себе, как и тремя часами ранее. Только я, которая знала ее так хорошо, заметила блеск триумфа в ее глазах и поняла, что ей улыбнулась удача. Ее сопровождал Пеграм, который, однако, немедленно покинул ее и направился прямо в отель, а она присоединилась к нам в саду и, обменявшись несколькими любезными словами, представилась мисс Джоанне Дюплесси и пригласила ее присоединиться к нам в кофейне наверху.

Комната была пуста, и мы сели за стол, я дрожала от волнения и ожидала событий. Через открытое окно я увидел Эллиота, быстро идущего по деревенской улице. Вскоре официантка вышла, а я была слишком взволнована, чтобы есть или говорить; леди Молли завела с мисс Джоанной оживленную беседу, расспрашивая ее о жизни в Индии и об отце, капитане Дюплесси. Джоанна призналась, что всегда была любимицей своего отца.

- Генриетта ему почему-то никогда не нравилась, - объяснила она.

Леди Молли спросила, когда она познакомилась с Руной.

- Она пришла в наш дом, когда умерла моя мать, - ответила Джоан, - и заботилась обо мне, когда я была маленькой.

В Пондишери никому не показалось странным, что она пришла служанкой в дом офицера, где ее собственная сестра была хозяйкой. Пондишери - французское поселение, манеры и обычаи там часто весьма своеобразны.

Я осмелилась спросить ее о планах на будущее.

- Что ж, - сказала она с оттенком грусти, - я, конечно, ничего не могу сделать, пока моя тетя жива. Я не могу заставить ее позволить мне жить в Фордвиче или признать меня своей наследницей. После ее смерти, если моя сестра действительно унаследует титул и состояние д'Альбукерк, - добавила она, и внезапно странное выражение мстительности - почти ненависти и жестокости - исказило детское выражение ее лица, - тогда я напомним историю ужасной смерти Руны, и надеюсь, что общественное мнение...

Здесь она сделала паузу в речи, и я, смотревшая в окно, перевела взгляд на нее. Она стала пепельно-бледной и глядела прямо перед собой; нож и вилка выпали из ее рук. Затем в комнату вошел Пеграм, подошел к столу и вложил в руку леди Молли пачку бумаг.

Для меня все остальное слилось в одно мгновение!

Раздался громкий вопль отчаяния, словно у загнанного животного, пронзительный вопль, за которым последовал мощный крик Пеграма: «Нет, стойте!» - и, прежде чем кто-либо успел ей помешать, изящная юная фигура Джоанны на короткое мгновение мелькнула в открытом окне.

В следующий миг она исчезла за ним, и мы слышали глухой удар, от которого у меня кровь застыла в жилах.

<http://tl.rulate.ru/book/114986/4469385>